

УДК 159.9.018

Лукьянов Алексей Сергеевич

К ОБОСНОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МЕТОДА ПСИХОЛОГИИ

В работе показана связь метода психологического исследования не с предметом, а с целью, что открывает возможности более содержательного использования интерпретативного компонента в методе исследования. Рассматривается специфика становления и важность интерпретативной традиции в современной постнеклассической истории психологической науки и возможность представления о методе с точки зрения его интерпретационного потенциала.

Ключевые слова: метод психологии, цель, методология, постнеклассическая рациональность, интерпретация, интерпретативный компонент, интерпретационный потенциал.

Aleksey Lukyanov

ABOUT THE INTERPRETATION POTENTIAL OF THE PSYCHOLOGY METHOD

This item reveals a link between the method for psychological study and not the object, yet with the aim, which offers potential for more substantial employment of the interpretation component in the study method. There is also a view on the development and importance of the interpretation tradition in the modern post-nonclassic history of the science of Psychology and a potential representation of the method through its interpretation potential.

Key words: psychology method, aim, methodology, post-nonclassic rationality, interpretation, interpretation component, interpretation potential.

Внутри методологического поля психологической науки, в широком контексте проблем, решение которых обладает наибольшим потенциалом для генеза науки, проблема метода выступает как ключевая. С методом напрямую связывается специфика психических явлений, предмет психологии, возможность обнаружения новых знаний, собственно развитие психологии как науки.

Т. В. Корнилова отмечает, что исторической правдой является действительная связь исследовательских методов как нормативных принципов получения опытных данных с пониманием предмета психологии [3, с. 8]. Это представление общепринято и сохраняется до сего дня на уровне аксиомы. На наш взгляд, между предметом и методом науки нет однозначной связи; это разные реальности, связанные лишь тем, что какой-то конкретный метод в данном конкретном случае (то есть в связи с опытом его применения, историей) более подходит для какого-то конкретного изучаемого предметного поля, чем другой метод, но не более того. Интересно, что далее Т. В. Корнилова намечает решение проблемы однозначного и общепонимаемого содержания метода через различение предмета изучения и используемых методических средств и схем интерпретации опытных данных [3, с. 8]. Для нашего дальнейшего изложения сама вербализация возможности такого различения важна, но в цитируемой работе размышлений на эту тему мы не находим.

Мы настаиваем, что наиболее приемлемая связь у метода не с предметом, а с целью исследования; более того, метод реализуется в связи с теми условиями, которые предполагаются при достижении цели (то есть задачами). В этом смысле подчеркнём, что если исследователь не добился цели, то это произошло потому, что он использовал не те методы, а вовсе не потому, что исследовал не тот предмет, был в рамках не той предметной области.

Далее: междисциплинарность предметной области современных исследований в психологии (хотя мы в работе [4] показываем, что любая наука с точки зрения совокупности определённых критериев является междисциплинарной) позволяет говорить о разноплановых методах исследования, но никак не об аморфной (неопределённой) предметной области.

Кроме того, существует традиционная принципиальная разница между необходимыми и достаточными условиями существования феномена: так, в контексте нашего изложения отметим, что использования того или иного метода нам действительно нужна определённая исследовательская реальность (именно предметное поле исследования как ориентир для исследования, а не ограниченность конкретным предметом), но для того чтобы эту реальность исследовать, необязателен какой-то конкретный (предзаданный) набор методов. Этот набор со всей очевидностью связан одновременно со смыслом, замыслом исследования (решаемой проблемой) и прогнозом получения каких-либо фактов (гипотезой), что в наиболее чётком виде сформулировано и задано именно в цели исследования и уточняющих её задачах.

Наконец, такая характеристика предметной области, как эмпиричность [9], на наш взгляд, является принципиально важной для предмета психологического исследования, поскольку выступает основанием для того, чтобы считать этим предметом не заданное изначально некоторое поле явлений, подлежащее изучению, а результат этого изучения, итог конкретного исследования. Из этого следует, что метод как элемент исследования является, условно говоря, обязательным на начальном этапе этого исследования, а предмет становится вербализуемым – на завершающем, то есть он выступает как результат накопления вновь и вновь получаемых фактов; и в пределе именно развитие науки ведёт к становлению и оформлению её предмета, а не задаётся им. Таким образом, предмет и метод, кроме всего, разделены ещё и во времени.

Размышления о методе психологической науки, как отмечает В. А. Мазиллов, имеют принципиальное значение на уровне собственно психологических методологических представлений, на уровне собственно методологии психологии. Потому, например, несколько некорректно полагать, что для психологической науки однозначно подходят наработки, полученные на основе естественных наук, а очень часто формулируются обобщения, представляющиеся неоправданными, согласно которым на область всей психологии распространяются естественнонаучные стандарты [8]. В унисон звучит представление Н. Смита, отмечающего в своей известной работе по методологии психологии [10], что для психологических исследований не оправдана методология физических экспериментов, которая, однако, в своё время выступила серьёзным основанием для развития психологии. Мы, со своей стороны, здесь уточним и подчеркнём, что данный вывод справедлив для конкретного методологического ракурса (о чём подробнее будет сказано ниже). Так, если для неклассической психологии «вдохновителем» в определённой мере всё же явилась физика (особенно чётко это проявилось в гештальтпсихологии; прослеживается энергетическая метафора в психоанализе), то на становление постнеклассической психологии (современной исследовательской парадигмы) существенное влияние оказала культурология, обозначив установку на то, что при переносе принципов исследования из одной научной области в другую, их не следует понимать буквально, а часто их не следует вовсе переносить.

В советской психологии уровень конкретно-научной методологии подменялся набором постулатов и принципов. Сегодня эти положения утратили статус однозначных принципов и выступают лишь «научные и методические подходы». По В. П. Зинченко, вместо «приговаривания» принципов историкам и методологам психологической науки необходимо обратить особое внимание на разработку конкретных проблем: предмета, метода, связи теории и практики, принципов объяснения в психологии, интеграции психологического знания, условий и механизмов его интерпретации и др. [2].

В связи со сказанным представляется принципиальным рассмотрение сущности метода, причём рассмотрение с актуальных на сегодняшний день методологических позиций, в первую очередь – уровня собственной методологии.

В современном познании обсуждаются процессы изменения эпистемологической парадигмы: переход от классической и неклассической картины мира к постнеклассическому типу рациональности, смена позитивистского стиля мышления герменевтическим, системного способа организации знания – сетевым, коммуникация (и конвергенция) естественнонаучной и гуманитарной парадигм,

ориентация научных исследований в целом на междисциплинарный дискурс. Д. А. Лушников применительно к социальной реальности оценивает эти изменения, отмечая, что для нового типа социальности, нового социального порядка механизмы его становления являются дезорганизующими по отношению к традиционной социальности. Снимая негативные коннотации, автор и мы вслед за ним подчеркнём главное: «С позиции диахронического анализа данное предположение является некую эволюционную закономерность, наблюдаемую в период фазисных переходов от одного типа социальности к другому» [7, с. 284].

К ключевым характеристикам постнеклассической рациональности, по М. С. Гусельцевой, относятся [1]: когнитивная сложность (онтологическая, гносеологическая сложность и уникальность) изучаемых явлений, сверхрефлексивность, «недоконцептуализированность» понятий (А. Я. Гуревич); сочетание объяснения и описания (классическая рациональность) с принципами историзма, развития и относительности (неклассическая рациональность) и «легализации субъективного опыта» (А. В. Юревич), «легализации» воображения. В связи с этим признаками вступления науки в фазу постнеклассической рациональности выступают: рост качественных исследований, расцвет междисциплинарных исследований, коммуникативность и сетевая организация знания.

Кроме того, если в классическом и неклассическом типах рациональности было принято анализировать концепцию, помещая её в чёткую систему координат, то в постнеклассической рациональности наступила эпоха интерпретаций, которая разрушила границы и дала свободу трактовкам. «Поверхности можно увидеть, но глубину следует уже интерпретировать», – заметил К. Уилбер [12, с. 142].

Постнеклассическая рациональность разделила «исторический факт» (в трактовке И. Канта это «вещь-в-себе») и его интерпретацию. В данном типе рациональности возросла именно интерпретативная составляющая, и это означает, что автор (интерпретатор) имеет как право на собственное видение, так и обязанность критической рефлексии, вменяющей ему понимание: да, так видит мир он, но, возможно, его видение не разделяют другие, и авторская интерпретация может быть как истинной, так и ложной.

Имплицитным, а в ряде случаев и эксплицитным базисным положением когнитивизма выступает тезис о том, что когниции – это личные факты и события, которые мы можем оценивать только на основании логических выводов. Данное положение возникло благодаря трактовке Декартом нефизического разума как внутреннего личного мира, но эта точка зрения подверглась критике со стороны ряда психологов. Так, Дж. Кантор отстаивает объективность субъективности [14]. Кроме того, у У. Стефенсона, разработавшего Q-методологию, на основании которой обеспечивается количественное (объективное) измерение субъективности, ключевое различие между субъективностью и объективностью заключается в том, что из положения субъекта, транслирующего какую-либо реакцию, эта реакция субъективна, а со стороны воспринимающего субъекта – эта же реакция объективна [15].

Эта аргументация позволяет заключить, что так называемая личная сфера накладывает на психологию такие же ограничения, какие накладывает и на любую другую науку, поскольку не содержит других значений, кроме указания на то, что все возможные события доступны в различной степени наблюдению, и каждое из них может быть наблюдаемо только с определённой точки зрения и с помощью определённых методов. Очевидно, что психология находится в лучшем положении, нежели такие науки, как физика, химия, астрономия или биология, которые не могут получить словесный отчёт от объектов своих исследований. В этом смысле «ограничение на субъективность», вменяемое психологии, скорее её преимущество как науки [10].

К. Герген, критикуя позицию рационализма (в первую очередь – рационализма континентальной Европы), утверждающего, что нет такой нейтральной внешней точки зрения, которая давала бы возможность изучать индивидуальное знание вне зависимости от того, что это знание предъявлено конкретным индивидуумом, отмечает, что те факты, которые мы считаем эмпирическими данными, не являются универсальным знанием – оно интерпретируется конкретными социальными группами, которые эти данные получают. Подход К. Гергена к познанию является типичным социоцентриче-

ским подходом, который гласит, что знание всецело связано с социальным дискурсом, знание – это то, что считает истинным определённая социальная группа в конкретный момент, и «социально конструируемое» знание не может пониматься истинно за пределами этой группы. Парадоксально, но одновременно вполне логично в связи со сказанным, что утверждение о том, что контекст играет важную роль в определении специфики того или иного феномена, не содержит никакой истины вне той группы, которая объявила это утверждение истинным. Эта социоцентрическая система получила название социального конструкционизма. Она испытала влияние постмодернизма, и её сторонники настаивают, что наша реальность порождается биологической организацией, культурными процессами и языковыми договорённостями [13].

Среди социоцентрических взглядов особо выделяется подход, пытающийся нивелировать принципиальное влияние положений эмпиризма, избавиться от непознаваемого мира рационалистов и глобального релятивизма социального конструкционизма. Он утверждает, что эмпирические исследования дают нам только ограниченные свидетельства возможных функциональных и причинных отношений и связей, а совсем не их неопровержимые доказательства. В этом случае психологическое исследование рассматривается скорее как подтверждение теории, а не её верификация. Аналогичным образом подход, названный «неореализмом», признаёт исторические, социальные и лингвистические конвенции (договорённости), оказывающие влияние на наши решения, ценности, методологии, теории и их интерпретации и другие конструкции, используемые в психологии. Он также полагает, что культурный релятивизм может быть в некотором смысле преодолен, о чём может говорить тот факт, что люди овладевают процессом межкультурной коммуникации, при этом, поскольку большая часть психологических проблем касается внутрикультурной, а не кросскультурной области взаимодействий, проблемы межкультурных отношений вообще не возникает [10].

Как видно из представленного анализа, существует принципиальный, особенный аспект в понимании методологов и историков психологической науки, а именно указание на то, что в рамках постнеклассической парадигмы при анализе исследовательской реальности имеет главенствующее значение интерпретативный компонент. Все сказанное применительно к проблеме методов науки выглядит в первом приближении так: часто возможности исследователя понять получаемые сведения, связанные с особенностями изучаемой реальности, оказываются важнее метода получения необходимых данных. А. Г. Спиркин в этом смысле формулирует следующее обобщение: метод (а в процессе научного познания методы используются самые разнообразные) сам по себе не предопределяет целиком успеха в изучении той или иной реальности: важен не только хороший метод, но и мастерство его применения [11].

В нашем случае приведённые выше размышления и обобщения позволяют сформулировать следующее положение: исследование психической реальности возможно через учёт и согласование двух факторов или компонентов: собственно способа, приёма или технологии получения факта и условий интерпретации этого факта. Заметим, что первый компонент существует вне сферы индивидуального сознания учёного, исследователя, то есть он объективен по отношению к нему, а второй – условия интерпретации – полностью определяется именно субъективной сферой исследователя. Оба эти компонента принадлежат одной исследовательской реальности – методу.

В своих прежних работах [5; 6 и др.] мы отмечали, что есть возможность систематизировать представление о методе психологии через введение понятия «интерпретационный потенциал». Под ним мы понимаем возможность исследователя использовать субъективное толкование обнаруживаемых в ходе реализации конкретного метода фактов. В этом смысле метод представляет собой процедуру получения данных в рамках конкретной науки, которая (процедура) включает объективную часть (схему реализации метода) и субъективную часть (интерпретативную часть метода).

В философии существует близкое к нашему пониманию представление А. Г. Спиркина о научных методах. Автор пишет, что решение специфических исследовательских задач предполагает в качестве необходимого условия определённые общие философские методы, характерная особенность

которых – универсальность. Эти методы имеют смысл в любой исследовательской практике, указывая общий путь к истине. Если частные методы выступают как локализованные в определённом предметном поле приёмы раскрытия закономерностей исследуемых объектов, то философские методы выступают как приёмы изучения тех же объектов с позиции выявления в них всеобщих законов развития и движения, которые по-особому проявляются в связи со спецификой предмета. Каждый метод обуславливает возможность познавать лишь какие-то отдельные стороны предмета, определяя необходимость «взаимной дополнителности» обособленных методов, что вызвано, кроме прочего, тем, что каждый метод имеет определённые пределы своих познавательных возможностей [11]. Как видно, принцип «взаимной дополнителности», предложенный А. Г. Спиркиным, по отношению к методам конкретного исследования связывается именно с познавательными возможностями, или – в нашей терминологии – интерпретационным потенциалом.

В связи с представлением об интерпретационном потенциале можно вполне определённо предположить существование некоего континуума методов психологического исследования, где с одной стороны – методы с высоким интерпретационным потенциалом (например, метод беседы), а с другой – методы с низким интерпретационным потенциалом (например, методы математической статистики). Одним из следствий существования этого континуума является тот факт, что можно говорить о научности любого метода, используемого в конкретном исследовании или в науке в целом, и различать в методе лишь его интерпретационный потенциал.

Таким образом, метод психологии в современном представлении должен рассматриваться в рамках парадигмы постнеклассической рациональности, ставящей во главу угла понимание когнитивной сложности исследуемой психической реальности, её сверхрефлексивность, что обуславливает особое внимание к сути и содержанию интерпретативных механизмов и схем её исследования. В связи с этим принципиальным становится интерпретативный компонент метода, который определяет уровень его интерпретационного потенциала. Введение категории интерпретационного потенциала как основополагающего критерия при выборе и обосновании метода исследования тем более важно, что исследователь движется в направлении вскрытия особенностей интересующей его реальности (направление задаётся целью), а не изучает имеющееся для вскрытия чего-либо нового (ограничение задано предметом изучения); метод связан не предметной областью, а с целью и задачами исследования.

Литература

1. Гусельцева М. С. Методологическая «оптика» постнеклассической и неклассической рациональности. I ч. // Журнал практического психолога. 2009. № 6. С. 4–26.
2. Зинченко В. П. Преходящие и вечные проблемы психологии. Послесловие // Введение в психологию. СПб.: М., 2003.
3. Корнилова Т. В. Экспериментальная психология: теория и методы. М.: Аспект Пресс, 2005. 384 с.
4. Лукьянов А. С. Границы предметной области психологического исследования при полидисциплинарном подходе [Электронный ресурс] // Прикладная психология и психоанализ: электрон. науч. журн. 2014. № 2. URL: <http://ppip.idnk.ru> (дата обращения: 22.12.2014).
5. Лукьянов А. С. К проблеме метода в психологическом исследовании [Электронный ресурс] // Прикладная психология и психоанализ: электрон. науч. журн. 2013. № 1. URL: <http://ppip.idnk.ru> (дата обращения: 22.12.2014).
6. Лукьянов А. С. Метод психологии: к рефлексии проблемы // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2013. № 5. С. 39–45.
7. Лушников Д. А. Роль социальной дезорганизации в процессе транзита социальности // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 4. С. 284–288.
8. Мазилов В. А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. 2006. Том 27. № 1. С. 23–35.
9. Мироненко И. А. О концепции предмета психологической науки // Методология и история психологии. Тематический выпуск. Предмет психологии. 2006. Том 1. Вып. 1. С. 160–174.
10. Смит Н. Психология. Современные системы / пер. с англ. под общ. ред. А. А. Алексеева. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 543 с.

11. Спиркин А. Г. Философия. М.: Гардарики, 2006. 736 с.
12. Уилбер К. Краткая история всего. М.: АСТ; Астрель, 2006. 476 с.
13. Gergen K. J. Sounding in Social Construction. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
14. Kantor J. R. Cultural Psychology. Chicago: Principia Press, 1987.
15. Stephenson W. Foreword. In Political Subjectivity: Applications of Q Methodology in Political Science / by S. R. Brown. New Haven and London: Yale University Press, 1980.

УДК 615.1-05:172

**Манвелян Элеонора Аслибековна, Гулакова Марина Викторовна,
Манвелян Микаэль Михайлович, Степанян Светлана Армаисовна**

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕНИЯ С ПАЦИЕНТАМИ В АПТЕКЕ

Обсуждены психологические, этические и деонтологические аспекты профессиональной деятельности фармацевтических работников; необходимые психологические качества специалиста-провизора и фармацевта, важность этих аспектов для фармацевтической опеки.

Ключевые слова: психологические аспекты, фармацевтическая этика и деонтология, провизор, пациент.

**Eleonora Manvelyan, Marina Gulakova, Mikael Manvelyan, Svetlana Stepanyan
PSYCHOLOGICAL AND ETHICAL ASPECTS OF COMMUNICATING
WITH PATIENTS IN PHARMACIES**

The item offers a view on psychological, ethical, and deontological aspects of pharmacists' professional activities; there is also a view on substantial psychological features to be found in those employed in the area of pharmaceutical business, as well as the importance of such aspects for pharmaceutical care.

Key words: psychological aspects of pharmaceutical ethics and deontology, pharmacist, patient.

Психологические, этические и деонтологические аспекты общения с пациентами в аптечном учреждении важны в профессиональной деятельности провизоров и фармацевтов и в целом в фармацевтической деятельности. Как истинный профессионал в своем деле, фармацевтический работник должен обладать определенными личностными качествами и уметь находить индивидуальный подход к каждому пациенту. Знание этих аспектов поможет специалисту повысить качество оказания лекарственной помощи населению [8; 18; 21; 24].

Этические и деонтологические составляющие деятельности фармацевтического работника. Профессиональная деятельность провизора (фармацевтического работника) имеет специфические особенности. С одной стороны, она традиционно связана с материальной составляющей, с другой стороны, все более и более осознаваемой сегодня и актуальной, она тесно соприкасается с пациентом – больным человеком, ожидающим помощи и сострадания. Ограничившись лишь материальными профессиональными функциями, фармацевтический работник (провизор) рискует превращением своей деятельности в один из вариантов торговли. Провизор как специалист – высокий профессионал обязан знать и руководствоваться требованиями фармацевтической этики и деонтологии [2–4].

В фармацевтической деятельности особенно важны моральные качества провизора, его отношение к профессиональному долгу, нашедшие отражение в учении о фармацевтической этике и деонтологии. Мораль и этика возникли на определенном этапе развития общества в связи с необходимостью создания определенных правил, регулирующих взаимоотношения людей [12; 13].